

1799–1850

«Деятнадцатый век, каким мы его знаем, в значительной степени изобретен Бальзаком. Мы просто выполняем, с примечаниями и ненужными добавлениями, каприз или фантазию творческого ума великого романиста».

Оскар Уайльд

классика в кармане

О. ДЕ БАЛЬЗАК

классика
в кармане

Тридцатилетняя женщина

«Женщина — это лира, дарящая свои тайны тому, кто может играть...»

Замужняя женщина — это рабыня, которую надо уметь посадить на трон».

Оноре де Бальзак

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

классика
В
кармане

О. ДЕ БАЛЬЗАК

классика
в кармане

О. ДЕ БАЛЬЗАК

Тридцатилетняя женщина

Тридцатилетняя женщина

*классика
в кармане*

О. ДЕ БАЛЬЗАК

Тридцатилетняя женщина

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
Б21

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданиям:

Смирнов А. А. Предисловие // Бальзак, О. де
Тридцатилетняя женщина. — М., Л.: Academia, 1931. С. 5–8.
Бальзак О. де. Тридцатилетняя женщина / пер. А. Радловой. — М., Л.:
Academia, 1931.

Перевод А. Д. Радловой
Предисловие А. А. Смирнова
Примечания И. С. Веселовой, А. Д. Радловой

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Франсуа Фламенга «Женский портрет», Луи Буланже «Портрет Бальзака»

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

БАЛЬЗАК Оноре де Тридцатилетняя женщина

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутой*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залпаева*

Подписано в печать 20.02.2013. Формат 76x100/32.
Усл. печ. л. 11,26. Тираж 3000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А.
Тел. (495) 984-35-23; e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua

61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-532-0 (БММ)
ISBN 978-966-14-5066-9 (КСД)

© А. Д. Радлова, наследники, перевод
на русский язык, 2013
© А. А. Смирнов, предисловие, 2013
© Nemirol Ltd, 2013
© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Роман
«преступной любви»:
ипостаси чувств Оноре де Бальзака

«Тридцатилетняя женщина» — роман о судьбе девушки, жены и матери, бессильной преодолеть условность и лицемерие буржуазной семьи. Вместе с героинями Жорж Санд «Тридцатилетняя женщина» станет родоначальницей целого племени разочарованных и слегка протестующих жен буржуа, причем протест их не будет выходить за пределы личной жизни. Замена мужа более или менее достойным возлюбленным — «преступная любовь» — станет классической формой такого протеста.

В романе «Тридцатилетняя женщина» мы не находим знакомых лицедеев бальзаковской «Человеческой комедии». Здесь нет честолюбивого юноши, взирающего из окна своей нищенской мансарды на великий город, который он собирается покорить. Нет здесь и скупца, охваченного лихорадкой накопления, нет и авантюриста, объявляющего наслаждение высшей и единственной целью в жизни.

Если Золя в своем творчестве запечатлел Францию Второй империи, то в романах его учителя Бальзака во весь рост встает буржуа эпохи Реставрации и Июльской монархии. Бальзак родился на рубеже девятнадцатого столетия, в 1799 году.

«Наступил момент преуспевания. Кто осмелится определить его границы?». Эти слова, сказанные когда-то Наполеоном, стали новым заветом, практически лозунгом победившей буржуазии. Бурбоны мо-

гли отнять у Наполеона его трон, но они не могли помешать обогащению буржуа.

В толпе героев Бальзака старик Гранде — один из преуспевающих. Он носит платье покроя Великой революции. Всю свою жизнь он отдает приобретению. В его подвалах — тысяча бочек вина. Он возит по ночам бочки с луидорами на биржу в Анжер.

Июльская монархия становится эпохой, в течение которой творчество Бальзака расцветает с необычайной силой. Попытки короля-«эмигранта» положить предел притязаниям буржуазии заканчиваются его изгнанием. Июльская революция отдает трон королю-банкиру.

Не случайно авантюрист, делец с темным прошлым, занимает такое почетное место среди персонажей «Человеческой комедии». Вотрен из романа «Отец Горио» знал, что тайна крупных состояний непременно прячется в каком-нибудь преступлении, забытом потому, что оно было чисто «обработано». Это было в нравах Июльской монархии — эпохи, вскормившей могучий гений Бальзака.

В античном театре хор приобщал зрителя к сокровенному смыслу событий, творившихся на сцене. В бальзаковской «Человеческой комедии» корифеем, водителем хора становится беглый каторжник Вотрен. Он освободил от лепестков лицемерного красноречия, от стыдливых ханжеских умолчаний философию преуспевания. Он выразил ее с предельной яркостью. Вотрен говорит вслух то, в чем не решаются признаться другие, менее склонные к беспощадному анализу герои Бальзака.

Вотрен проповедует бесстыдство. Все позволено. Принципов нет и нет законов. Честность — вздор.

И все же героев Бальзака, охваченных лихорадкой стяжания, возмездие постигает там, где они меньше всего его ожидают: им мстит женщина.

Отстраненная от повседневной борьбы, предоставленная самой себе, она становится не только невольной свидетельницей преступления, но иногда и мстительницей, судьей. Горио, безмерно любивший дочерей, отдал им свое огромное состояние. Но Горио умирает одиноко в нищете, и дочь не приходит к его смертному ложу.

Старик Гранде приобретает без устали. Даже на смертном одре он радуется блеску золота. Но тягчайший удар ему наносит Евгения, его дочь — она тайком отдает золото возлюбленному.

В романе «Тридцатилетняя женщина» Виктор Эглемон, блестящий адъютант Наполеона, переходит на сторону Бурбонов. Он делает блестящую карьеру, он осыпан милостями двора. Но только один человек в мире знает, что Виктор Эглемон — ничтожество, и этот человек — его жена Юлия. Героиня романа «Тридцатилетняя женщина» на собственном опыте убеждается, что буржуазная семья построена на условности, на лжи, и что право мужчины и бесправие женщины держатся на собственности. «Тридцатилетняя женщина» наносит удар последней иллюзии буржуа. «Тридцатилетняя женщина» покушается на его величайшую святыню — семью.

В отдельных сценах «Тридцатилетней женщины» еще слышны отголоски романтической школы. Но в целом роман верен исследовательской манере Бальзака. В дни своего студенчества Бальзак охотно посещал лекции Сент-Илера¹ и в основу своего повествования он клал документальные наблюдения.

¹ Этьен Жоффруа Сент-Илер (1772—1844) — французский зоолог, континентальный предшественник британского эволюциониста Ч. Дарвина, один из адептов натурфилософии.

С беспощадностью естествоиспытателя он изучал каждое движение, каждое переживание своих героев и с равнодушием ученого разрушал одну иллюзию за другой.

«В царстве Бальзака были, как и в действительном государстве, свои министры, генералы, финансисты, промышленники, купцы и крестьяне, — писал о Бальзаке один из критиков. — У него были свои священники, сельские и столичные врачи, свои франты, живописцы, скульпторы и рисовальщики, свои поэты, писатели и журналисты, свои старинные дворянские семьи, судебное дворянство, свои тщеславные и испорченные и, равным образом, симпатичные и самоотверженные жены, свои гениальные писательницы и провинциальные синие чулки, свои старые девы, свои актрисы и, наконец, своя толпа куртизанок».

А. А. Смирнов

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ЖЕНЩИНА

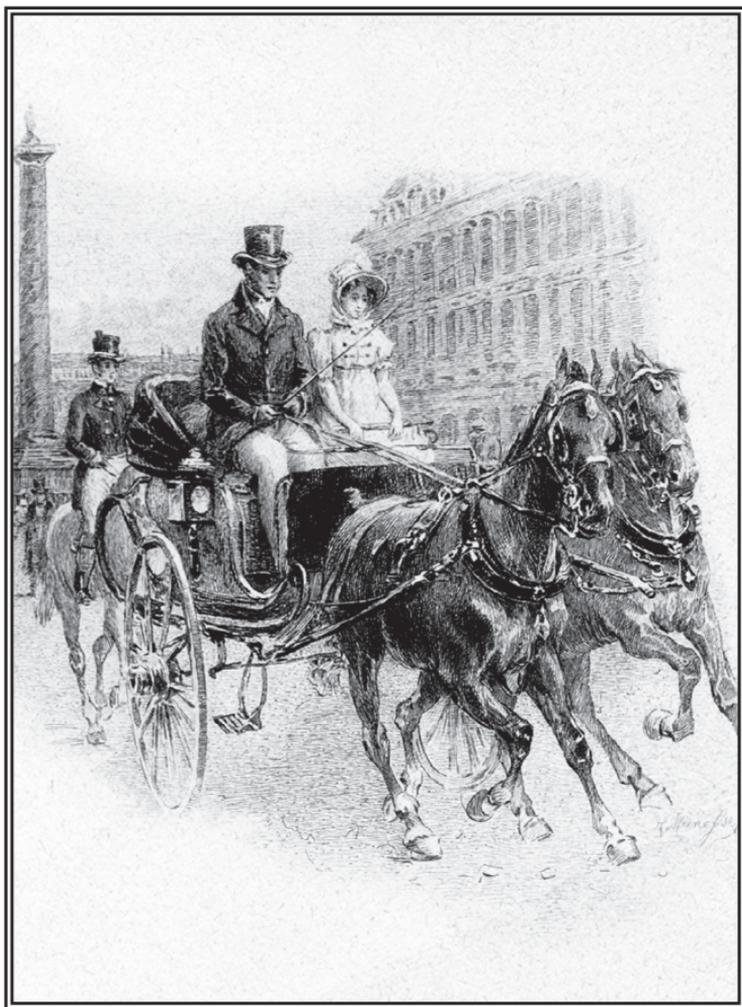
I ПЕРВЫЕ ОШИБКИ

Однажды в воскресенье, в начале апреля 1813 года, утро обещало наступление одного из тех ясных дней, когда впервые в году парижане видят свои мостовые без грязи, а небо без туч.

Около полудня великолепный кабриолет, запряженный парой горячих лошадей, выехал на улицу Риволи с улицы Кастильон и остановился в ряду нескольких экипажей перед вновь открытыми воротами, посреди фейанской террасы¹.

Этим легким экипажем правил человек болезненного и озабоченного вида; сидящие волосы едва прикрывали его желтый череп и старили его раньше времени. Он бросил вожжи сидевшему позади него лакею и вышел из экипажа, чтоб принять в свои объятия молодую девушку, чья хрупкая красота уже привлекла внимание людей, прогуливавшихся без дела взад и вперед по террасе. Молодая особа охотно дала взять себя за талию, стоя на краю экипажа, и об-

¹ Фейаны — монахи, монастырь которых помещался в Тюильри.

*Около полудня
великолепный кабриолет,
запряженный парой горячих лошадей,
выехал на улицу Риволи с улицы Кастильон...*

вила руками шею своего спутника, который опустил ее на тротуар, не сняв отделки ее зеленого рипсового платья. Влюбленный не проявил бы большего внимания. Неизвестный был, видимо, отцом этой девочки, которая, не поблагодарив его, взяла его привычным движением под руку и быстро увела в сад. Старик-отец заметил восхищенные взгляды нескольких молодых людей, и печаль, написанная на его лице, стерлась на мгновение. Несмотря на то, что он давно достиг возраста, когда люди должны примириться с обманчивыми наслаждениями, которые, как последнюю пищу, оставляет им тщеславие, он стал улыбаться.

— Думают, что ты моя жена, — сказал он на ухо девушке, выпрямляясь и двигаясь вперед так медленно, что это привело ее в отчаяние. Казалось, он кокетничал дочерью, и, быть может, больше, чем она, наслаждался взглядами, которые бросали любопытные на ее маленькие ножки в прюнелевых туфельках красно-коричневого цвета, на ее прелестную талию, обрисованную платьем с кружевами, и на свежую шею, не вполне скрытую вышитым воротником. При ходьбе платье минутами приподнималось, и над туфелькой мелькала выпуклость икры, тонко обтянутой шелковым ажурным чулком. Поэтому многие из гулявших обгоняли чету, чтоб полюбоваться или еще раз поглядеть на юное лицо, обрамленное черными локонами и казавшееся еще белее и румянее как от отблеска розовой тафты, которой был подбит нарядный ее капор, так и от желанья и нетерпенья, которыми искрились черты этой прелестной девушки. Нежное лукавство оживляло ее красивые чер-

ные глаза с хорошо обрисованными бровями и длинными ресницами, как бы подернутые чистой влагой. Прелесть жизни и молодости разливалась на этом своенравном лице и очаровательной и изящной фигуре, несмотря на пояс, который тогда носили высоко под грудь. Не чувствительная к восторгам, девушка смотрела с какой-то тревогой на замок Тюильри — по видимому, цель ее стремительной прогулки. Было без четверти двенадцать. Несколько женщин, несмотря на ранний час пожелавших показаться в нарядном виде, возвращались из замка и оборачивались с несколько надутым видом, как бы раскаиваясь в том, что они пришли слишком поздно и не могли насладиться желанным зрелищем.

Несколько раздосадованных слов, вырвавшихся у этих красивых и недовольных женщин и на лету схваченных прелестной незнакомкой, особенно ее беспокоили. Старик наблюдал скорей с любопытством, чем с насмешкой, за выражением нетерпения и страха, отражавшихся на очаровательном лице его спутницы, и в его пристальном внимании, может быть, была отцовская задняя мысль.

Это воскресенье было тринадцатым воскресеньем 1813 года. Через два дня Наполеон должен был отправиться в тот роковой поход, во время которого он потерял одного за другим Бессьера и Дюрока¹, выиграл знаменитые битвы при Люцене и Бауцене, был предан Австрией, Саксони-

¹ Бессьер, Жан-Батист (1768–1813), Дюрок, Жеро-Кристоф-Мишель (1772–1813) — французские военачальники эпохи Империи Наполеона I.

ей, Баварией и Бернадотом¹ и выдержал страшную битву при Лейпциге. Великолепный парад, который принимал император, должен был быть последним из тех, которые так долго возбуждали восхищение парижан и иностранцев. Старая гвардия должна была проделать в последний раз хитрые маневры, пышность и точность которых удивляли подчас даже самого гиганта, готовившегося тогда к своему поединку с Европой. Печальное чувство влекло в Тюильри блестящую и любопытную толпу. Казалось, каждый угадывал будущее и предчувствовал, что, быть может, не раз воображению придется воссоздать эту картину, когда эти героические дни Франции приобретут, как нынче приобрели, почти легендарную окраску.

— Идемте же поскорее, отец, — шаловливо говорила девушка, увлекая старика. — Я слышу барабаны.

— Это войска входят в Тюильри, — ответил он.

— Или уже дефилируют, все уже возвращаются, — возразила она с детской горечью, заставившей старика улыбнуться.

— Парад начинается только в половине первого, — сказал отец, который едва поспевал за своей стремительной дочерью.

Глядя на движение ее правой руки, можно было подумать, что она помогает себе в беге. Ее маленькая ручка в изящной перчатке нетерпеливо мяла платок и походила на весло, рассекающее

¹ Бернадот, Жан-Батист (1763–1844) — французский военачальник, принимал участие в революционных войнах, затем в войнах Империи. В 1813 г. перешел на сторону антифранцузской оппозиции. В 1818–1844 гг. — король Швеции под именем Карла XIV.

волны. Старик от времени до времени улыбался, но порой озабоченное выражение печалило его иссохшее лицо. Казалось, он думал про себя: «Сегодня она счастлива, будет ли она счастлива всегда?» — Ибо старики легко наделяют своими печальями будущее юных.

Когда отец и дочь добрались до перестыля беседки, над которой развевался трехцветный флаг и через которую проходят гуляющие из Тюильрийского сада на площадь Карусели, часовой крикнул им строгим голосом:

— Прохода больше нет!

Девушка встала на цыпочки и разглядела толпу нарядных женщин, теснившихся с двух сторон старой мраморной аркады, откуда должен был выйти император.

— Вот видишь, отец, мы вышли слишком поздно. — Ее огорченное личико ясно отразило все значение, которое она придавала своему присутствию на этом параде.

— Ну, Юлия, пойдем, ты ведь не любишь толкотни.

— Останемся, отец, отсюда я все же могу увидеть императора. Если он погибнет во время похода, значит, я его никогда не видала.

Отец вздрогнул, услышав эти слова, так как в голосе девушки слышались слезы; он взглянул на нее, и ему почудились под ее опущенными ресницами слезы, причиненные не столько досадой, сколько ранней печалью, причину которой трудно угадать старику-отцу. Вдруг Юлия покраснела и что-то крикнула, но что — не было понятно ни часовым, ни старику.

На это восклицание офицер, летевший по двору к лестнице, быстро обернулся, повернул к са-

довой аркаде и увидал молодую девушку, прежде скрытую мохнатыми шапками гренадеров. Тотчас он отменил для нее и ее отца им самим данный приказ; потом, не обращая внимания на недовольство нарядной толпы, осаждавшей аркаду, он тихо повел на другую сторону обрадованную девушку.

— Я теперь не удивляюсь ни ее гневу, ни поспешности, раз ты дежуришь, — сказал офицеру старик серьезным, но в то же время насмешливым тоном.

— Сударь, — отвечал молодой человек, — если вы хотите получить хорошие места, не будем терять время на разговоры. Император не любит ждать, а мне маршал поручил доложить ему, что все готово.

Разговаривая таким образом, он взял с некоторой фамильярностью под руку Юлию и быстро повлек ее в сторону Карусели. С удивлением Юлия заметила громадную толпу, теснившуюся в маленьком пространстве между серыми стенами дворца и тумбами, соединенными цепями, которые окружают песочные квадраты среди двора Тюильри. Цепь часовых, расставленных, чтобы образовался проход для императора и его свиты, с трудом сдерживала напор этой настойчивой толпы, гудевшей как улей.

— Это, должно быть, будет очень красиво? — спросила, улыбаясь, Юлия.

— Берегитесь же! — воскликнул офицер и, схватив Юлию за талию, с такой же быстротой, как и силой, приподнял ее и перенес к одной из колонн. Если б не это резкое похищение, его любопытная родственница была бы помята крупом белой лошади с зеленым с золотыми украшени-

ями седлом, которую держал под уздцы мамелюк¹ Наполеона почти под самой аркадой, отступя на десять шагов от остальных лошадей, ожидавших блестящих офицеров, спутников императора.

Молодой офицер поместил отца и дочь у первой тумбы направо перед толпой и кивком головы поручил их двум старым гренадерам, между которыми они оказались. Когда офицер вернулся во дворец, выражение счастья и радости сменило на его лице внезапный страх, вызванный толчком лошади. Юлия таинственно пожала ему руку, то ли чтоб поблагодарить его за маленькую услугу, которую он ей только что оказал, то ли для того, чтоб сказать ему: «Наконец-то я вас увижу». Она даже слегка наклонила голову в ответ на почтительный поклон офицера, которым он простился с ней и ее отцом, прежде чем стремительно исчезнуть.

Старик, видимо намеренно оставивший их вдвоем, стоял с сосредоточенным видом несколько позади своей дочери, но исподтишка наблюдал за ней. Он старался внушить ей ощущение безопасности, делая вид, что он погружен в созерцание великолепного зрелища Карусели. Когда Юлия перенесла на отца взгляд школьника, побаивающегося своего учителя, старик ответил ей веселой и доброжелательной улыбкой. Но его зоркий глаз сопутствовал офицеру до самой аркады, и ни одно событие этой быстрой сцены не скрылось от него.

¹ Мамелюк (*араб.*) — невольник, изначально воин-раб в Египте. В 1250 г. в Египте была основана династия мамелюкских султанов, власть которых продержалась до 1811 г.

— Какое прекрасное зрелище! — прошептала Юлия, сжимая руку своего отца. Живописный и величественный вид Карусели в этот момент вызвал то же восклицание у тысячи зрителей, лица которых раскраснелись от восторга.

Другой ряд публики, столь же стиснутый, как и тот, в котором находились старик с дочерью, занимал параллельно дворцу узкое мощеное пространство вдоль решетки Карусели. Эта толпа разнообразием женских нарядов резко обрисовывала громадный длинный прямоугольник между зданием Тюильри и тогда только что поставленной решеткой. Полки старой гвардии, которые должны были принимать участие в параде, наполняли это обширное пространство против дворца внушительными линиями, в десять синих рядов каждая. За площадью в самой Карусели находились по другим параллельным линиям несколько пехотных и кавалерийских полков, готовых продефилировать под триумфальной аркой, украшавшей середину решетки, над которой в те времена стояли великолепные венецианские кони. Полковые оркестры, находившиеся в нижних галереях Лувра, были скрыты дежурными польскими уланами. Большая часть площади оставалась свободной как арена, приготовленная для передвижения этих бесчисленных корпусов, расположенных симметрично по правилам военного искусства и отражавших в сверкающих десяти тысячах трехгранных штыков солнечные лучи. Солдатские султаны, колеблемые ветром, волновались, словно лесные деревья. Эти старые войска, немые и блестящие, отличались друг от друга тысячами оттенков, благодаря разнообразию форм,

Содержание

А. А. Смирнов. Роман «преступной любви»: ипостаси чувств Оноре де Бальзака..... 3

Тридцатилетняя женщина 7